

Особенности современного экономического развития

УДК 339.924

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06

Технологическое сотрудничество и равноправие как развитие концепции технологического суверенитета

Андрей Владимирович ПОЛОСИН

доктор политических наук, проректор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119571
E-mail: polosin-av@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-8803-6259

Дмитрий Юрьевич БАЙДАРОВ

кандидат юридических наук, директор Департамента поддержки новых бизнесов
Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»
ул. Большая Ордынка, д. 24, г. Москва, Российская Федерация, 119017
E-mail: d_baydarov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7089-7015

Евгений Михайлович АБАКУМОВ

доктор технических наук, директор по информационным технологиям
Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»
ул. Большая Ордынка, д. 24, г. Москва, Российская Федерация, 119071
E-mail: ema81@mail.ru
ORCID: отсутствует

Дмитрий Юрьевич ФАЙКОВ

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Государственный университет управления
Рязанский проспект, д. 99, г. Москва, Российская Федерация, 109542;
ведущий специалист
Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский
научно-исследовательский институт экспериментальной физики
проспект Мира, д. 37, г. Саров, Нижегородская область,
Российская Федерация, 607188
E-mail: cat1611@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3532-1352

ЦИТИРОВАНИЕ: Полосин А.В., Байдаров Д.Ю., Абакумов Е.М., Файков Д.Ю.
Технологическое сотрудничество и равноправие как развитие концепции
технологического суверенитета // Контурь глобальных трансформаций:
политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 94–112.
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06

Статья поступила в редакцию 29.10.2023.
Исправленный текст представлен 22.11.2023.

АННОТАЦИЯ. *Современные технологии, особенно цифровые, внесли серьезные изменения в сложившийся миропорядок. Использование технологий как инструмента экономического и политического влияния крупнейшими транснациональными корпорациями и государствами их происхождения повлияло на рост популярности концепции технологического суверенитета. Однако при всей заманчивости этой концепции она ограничивается ресурсами государства. В связи с этим логичен вопрос: а что дальше? Авторская позиция основана на том, что технологический суверенитет государств будет постепенно трансформироваться в концепцию технологического сотрудничества, основанного на принципах технологического равноправия государств, рассматриваемого как равенство с точки зрения владения технологиями. Для подтверждения гипотезы предложена теоретическая модель совместного обладания государствами правами на объекты интеллектуальной собственности. Анализ модели с точки зрения российского права нормативов Евросоюза (ЕС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) показывает ее принципиальную реализуемость. Модель, как инструмент концепции равноправия и сотрудничества, не выявляет серьезных противоречий с существующими институтами, однако введение государств в состав основных обладателей прав на технологии меняет ее качество. Она становится не только механизмом защиты прав собственности, но и политико-экономическим механизмом, механизмом межгосударственных отношений. Модель совместного обладания государствами правами на объекты интеллектуальной собственности демонстрирует*

возможности формирования коллективного технологического суверенитета дружественными государствами, снижение технологической зависимости от крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) и государств их происхождения и может быть рассмотрена как принцип международного технологического сотрудничества для новой экономической модели России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *коллективный технологический суверенитет, цифровой суверенитет, новая модель российской экономики, совместное правообладание, интеллектуальная собственность.*

Введение

Идея технологического суверенитета сегодня прочно вошла в российскую практику, получив правовое подтверждение¹. Возвращение интереса во многих странах к самому понятию суверенитет (и его производным – экономическому, технологическому, цифровому суверенитету) как к базовому понятию государственности связано с глубокими сдвигами в сложившемся миропорядке, которые обусловлены не только политическими действиями, но и изменениями в технологиях, переходом общества в новый технологический уклад [Бодрунов, 2022]. Парадокс заключается в том, что попытки достижения государствами технологического суверенитета всё явственнее показывают, что абсолютный технологический суверенитет, понимаемый как независимость от других государств в технологической сфере, на длительный период времени невозможен. Никакому государству не хватит для этого ресурсов [Лексин, 2021, с. 157–158] – техниче-

1 Концепция технологического развития на период до 2030 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р.

ский прогресс постоянно увеличивает количество требуемых обществу технологий и глубину необходимых для их производства знаний.

По сути, технологический суверенитет – это некая форма ограничений. Для России, большой и обладающей качественными ресурсами страны, технологический суверенитет дает положительный эффект на определенном этапе (и это подтверждалось уже не раз в истории): возрождение промышленности, в том числе высокотехнологичной², выход из сырьевой зависимости, обеспечение безопасности, – но в долгосрочном периоде становится ее врагом, поскольку замедление или отсутствие развития (к чему, безусловно, приводят ограничения, всегда имеющие предпосылки перейти в изоляцию или самоизоляцию) есть «величайшая незащищенность»³.

Поэтому уже сегодня необходимо смотреть дальше – на этап после достижения техсуверенитета (или, скорее, частичного техсуверенитета, обеспечивающего безопасность в критических сферах).

В этом контексте авторы выдвигают гипотезу, что технологический суверенитет должен постепенно трансформироваться в концепцию технологического сотрудничества, основанного на принципах технологического равноправия государств. Одним из механизмов равноправного сотрудничества может стать совместное владение технологиями и использование их разными государствами. В узком значении этот механизм может рассматриваться как особый правовой режим использования и защиты интеллектуальной

собственности, применяемый разными государствами, в широком – как способ выйти за ограничения, накладываемые концепцией технологического суверенитета отдельного государства. В перспективе можно говорить не просто о совместном технологическом развитии и равноправии, но и о концепции коллективного технологического суверенитета. Авторы ставят целью предложить теоретическую модель совместного обладания несколькими государствами правами на технологии как инструмент концепции равноправия и сотрудничества, подтверждающий ее реализуемость.

Общая оценка состояния исследований

Постановка основного вопроса – а что дальше? – является продолжением исследований в области формирования новой экономической модели российской экономики [Байдаров, Полосин, Файков, 2023]. Такая модель не может быть оторвана от протекающих в мире процессов, которые указывают как на нарастающий кризис либеральной идеи [Гаджиев, 2017], так и на фактическое расширение государственного участия в экономике не только Китая или России, но и стран Запада [Балацкий, Екимов, 2020].

С одной стороны, налицо попытки западных государств максимально препятствовать распространению иных, нежели либерализм, идеологий. Для этого используются совсем не похожие на либеральные и демократические по своей сути процедуры – от принятия на себя правомочий признания или непризна-

2 В Евросоюзе тема технологического суверенитета поднимается активно с 2010-х годов в связи с пониманием необходимости развивать собственную высокотехнологическую промышленность, попавшую в зависимость от американской (см., например, [Couture, Toupin, 2019; European Technological Sovereignty..., 2021]).

3 Например, в Стратегии национальной кибербезопасности Китая прямо записано, что «развитие – это основа безопасности, а неразвитие – это величайшая незащищенность». См.: National Cyberspace Security Strategy. – URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/12/27/national-cyberspace-security-strategy/> (дата обращения: 23.10.2023).

ния ограниченной группой лиц рыночности экономик третьих государств (фактически установление для других правил – что считать рынком, конкуренцией и т.п.) до отбора собственности (несмотря на императив частной собственности в либеральной доктрине) у суверенных государств, юридических и физических лиц в связи с их «недемократическими» (по мнению санкционеров) действиями. Идеологический оттенок присутствует даже в применяемых США и их союзниками определениях технологического развития стран – «технодемократии» и «техноавтократии», которые различаются тем, что «...в демократических странах <...> поддержание или укрепление цифрового суверенитета является эффективным средством сохранения либеральных ценностей и идей порядка. <...> Напротив, концепция суверенитета в авторитарных государствах служит для <...> подавления потенциально демократизирующих эффектов цифровой сферы» [Robles-Carrillo, 2023].

Неудивительно, что страны, которые ориентированы на собственное, в том числе технологическое, развитие, оказываются не в русле «либерально-демократической» идеологии «гегемонов»⁴ и формируют собственную идеологию. Такое идеологическое противостояние идет во многом через политические механизмы, которые воздействуют на условия экономической деятельности: конкуренцию, доступ к рынкам, ресурсам и т.д. [Полтерович, 2017].

С другой стороны, усиление государственного участия в экономике происходит в связи с переходом на новый технологический уклад [Глазьев, 2022]. Новые вызовы⁵ требуют всё большего

количества общественных благ, соответствующих современному технологическому уровню. Только государство может консолидировать для их производства усилия различных групп общества. То есть в более широком смысле в новой экономической модели необходимо говорить о взаимодействии и балансе интересов государства и общества в целях устойчивого развития [Байдаров, Полосин, Файков, 2023].

В условиях кризиса глобальной экономики, выстроенной на идеях либерализма, необходим новый объединяющий принцип, которым могут стать равноправие и доверие государств как в политической, так и в экономической, технологической и иных сферах [Категория..., 2021]. Формирование доверия в экономической и технологической сферах будет катализатором доверия и в политической сфере. Вероятно, поэтому институт доверия в международной практике всё чаще становится объектом исследования не только в философии и социологии, но и в экономике и праве [Юдина, Лемещенко, Купчишина, 2022; Химченко, 2022]. Формирование инструментов такого сотрудничества также требует серьезного научного обоснования.

Методологические аспекты. Для проверки выдвигаемой гипотезы авторы вводят понятие «технологическое равноправие», под которым понимают возможность государств совместно и равноправно владеть объектами интеллектуальной (промышленной) собственности, использовать ее для равноправного технологического развития с учетом интересов авторов (изобретателей) этой собственности. Речь, безусловно, идет о дружественных государ-

4 По определению Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай». – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 22.10.2023).

5 Например, большие вызовы, указанные в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

ствах, готовых выстраивать отношения на основе доверия и уважения интересов друг друга.

Подчеркнем, что только к правообладанию вопрос технологического суверенитета, как и равноправия, не сводится. С нашей точки зрения, технологический суверенитет – это такое состояние государства, при котором оно имеет возможность и способность независимо от внешних воздействий выбирать, создавать, приобретать, использовать, продвигать технологии, которые обеспечивают геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии [Файков, Байдаров, 2023]. Такой подход соответствует и мнению зарубежных исследователей, которые формулируют целый спектр условий суверенитета, в числе которых агрессивное усвоение опережающей научно-технической информации, ускоренная подготовка местных кадров, импорт специалистов, «горизонтальное сотрудничество», мобильность и т. д. [Sharif, 1989].

Модель совместного правообладания: подходы, описание, обсуждение

Оценка влияния современных технологий на политику государств рассматривается на примере рынка цифровых технологий. Выбор обусловлен тем, что цифровые технологии используются сегодня практически повсеместно, формируют собственные рынки и сферы деятельности: Интернет, цифровые платформы, социальные сети, программное обеспечение, кибербезопасность и пр. Рынок цифровых технологий глобален, он влияет не только на экономические, но и на политические, социальные, культурные и иные отношения. На этом примере

анализируются условия сотрудничества, обеспечивающего равноправие государств в области технологий, задаются требования к модели технологического сотрудничества и равноправия. Следующим шагом является построение теоретической модели, исходя из выведенных требований и существующих правовых инструментов, оцениваются не только ее положительные эффекты, но и возможные риски. Проводится сравнение с уже существующими режимами использования и защиты интеллектуальной собственности в объединениях государств на примере ЕС и ЕАЭС. Модель оценивается с точки зрения действующего российского права.

Рынок цифровых технологий. Основными составляющими рынка цифровых технологий чаще всего называют данные, электронные компоненты, вычислительные технологии, программное обеспечение (платформы), сети, контент и его регулирование, технологии будущего (искусственный интеллект, сети 5G и 6G, квантовые и фотонные вычисления), кибербезопасность, регулирование цифровых рынков (цифровые стандарты).

Глобальность рынка. Трансграничная природа цифровых технологий [Химченко, 2022] и особенно развитие Интернета сделали рынок этих технологий глобальным: на этом рынке отсутствуют границы государств, что приводит к невозможности контроля и регулирования деятельности исключительно на национальной территории [Цифровой суверенитет..., 2021]. Основными игроками рынка являются крупнейшие ТНК американского происхождения: *Google, Amazon, Apple, Microsoft, Meta*⁶ [Couture, Toupin, 2019]. Противоречие между этими характеристиками рынка и сущностью государственного сувере-

6 Деятельность компания *Meta* признана экстремистской и запрещена в России.

нитета приводит к тому, что некоторые государства стремятся внедрять территориальный подход к использованию информационной инфраструктуры (например, Россия и Китай [Robles-Carrillo, 2023]), в противоположность США и ЕС, которые проповедуют экстерриториальный подход [Schüller, Schüler-Zhou, 2020; European Technological Sovereignty..., 2021]. Однако даже в ЕС глобальность информационного рынка вызывает тревогу: европейцы стремятся ограничить доступ к своим данным со стороны компаний США (которые в настоящее время хранят на своих платформах до 92% европейских данных), вводят государственный контроль цифровых рынков [Кучинская, 2022].

Иерархия государств на рынке цифровых технологий. Сегодня в цифровой сфере отмечается своего рода иерархия государств, основанная на их доле на мировых рынках и владении основными технологиями. Высший уровень иерархии – США и Китай: американские и китайские корпорации практически полностью контролируют первичный (микроэлектроника, технологии 5G и пр.) и вторичный (Интернет, платформы, технологии искусственного интеллекта и пр.) уровни цифровой инфраструктуры [Дементьев, 2022]. При этом идет жесткая конкурентная борьба между компаниями этих стран, переходящая и на государственный уровень [Schüller, Schüler-Zhou, 2020].

Ко второму уровню в «цифровой иерархии» обычно относят Японию, Корею, ведущие страны Европы, Израиль, Россию [Дементьев, 2022; Столетов, 2022] – государства, которые имеют собственные цифровые техно-

логии и разработки, но не занимающие ведущих мест на мировых рынках. Евросоюз, в технологическом плане значительно отставая от лидеров, в силу традиционно сильного института формирования регуляторных механизмов, старается занять на мировом цифровом рынке нишу создателя стандартов⁷.

Остальные страны являются в основном потребителями и пользователями цифровых технологий, производимых государствами первых двух групп. Безусловно, в этой группе есть государства с достаточно высоким уровнем развития собственных цифровых технологий, например Индия, однако доля на мировых цифровых рынках компаний из этих государств крайне незначительна.

Понимая опасность полной зависимости от одного из поставщиков (наглядно подтвержденную всему миру, например, политизированным уходом американских компаний с российского рынка), государства по возможности стремятся не использовать технологии только одного из лидеров, обращаясь в ряде случаев и к технологиям государств второй группы [Столетов, 2022].

Политизированность цифровых рынков. Модели поведения государств на цифровых рынках выстраиваются не только в зависимости от наличия или отсутствия национальных технологий, но и в русле отмеченной выше идеологизации технологического противостояния. В связи с этим отмечаются вероятные перспективы «цифровой регионализации» – фрагментации мира на техноэкономические блоки, к первым из которых уже сейчас относят США с союзниками и Китай⁸.

7 European technological sovereignty/Chrétien J. et al. // Think Tank Renaissance Numérique. – 2022. – URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03574500/document> (дата обращения: 10.10.2023).

8 Международная конкуренция и лидерство в цифровой среде/Безруков А.О., Мамонов М.В., Сучков М.А., Сушенцов А.А. // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – 2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36581/> (дата обращения: 22.09.2023).

Высокую напряженность их противостояния можно проиллюстрировать многими примерами: предложением возродить Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) – организацию, которая блокировала поставку высокотехнологичной продукции в СССР и другие социалистические страны во времена холодной войны, для того чтобы сегодня ограничить доступ к передовым технологиям китайским компаниям [Кучинская, 2022]; идеей международного партнерства «технодемократий», противостоящих «техноавтократиям», изложенной в Цифровой стратегии Агентства США по международному развитию⁹, и пр. Попытку сформировать свой техноэкономический блок отмечают и в политике Евросоюза, где всё чаще обсуждается доктрина «открытой стратегической автономии» [Невская, Квашинин, 2022].

В этих условиях и другие страны второй и третьей групп, скорее всего, будут стремиться к минимизации зависимости от какой-то одной страны, что, в связи с их более скромными по сравнению с лидерами возможностями, может воплощаться в создании объединений и блоков [Столетов, 2022].

Это относится и к России. Сегодня, в силу обстоятельств, уже определены «дружественные» и «недружественные» страны¹⁰, складываются формализованные критерии такого деления, что может стать базой для создания блоков, в рамках которых возможно формирование коллективного цифрового и, шире, технологического суверенитета.

Рынок с неполной информацией. Рынок цифровых решений, как и в целом

рынок современных технологий, является рынком с асимметричной информацией: покупатели далеко не всегда знают и понимают различия между товарами различных производителей, а часто и между самими товарами и технологиями, положенными в их основу. Быстрая смена технологий не дает покупателям достаточно времени на понимание преимуществ и недостатков новых технологий и тем более различий между товарами и технологиями конкурентов. Массированное и быстрое внедрение новых продуктов и технологий лидерами рынка часто не оставляет потребителям времени для сравнений, а внедрение стандартов конкретных производителей заставляет покупателей и в дальнейшем использовать их продукцию. В этом проявляется сетевой характер многих цифровых благ, особенностью которого является рост полезности для отдельного потребителя с увеличением общего числа потребителей. На рынке сетевых благ лидер предложения способен занять доминирующую долю, что позволяет ему утвердить свои стандарты в качестве общих для соответствующего рынка [Дементьев, 2022]. Правовые системы не успевают за изменениями технологического ландшафта, часто оказываясь не способными решить спорные ситуации на современных рынках [Шугуров, 2019]. А если регулированием занимается не государство, то это делают транснациональные корпорации – лидеры рынка, имеющие совсем другие интересы, в том числе интересы государств своего базового происхождения, что предполагает и серьезные политические риски.

9 Digital Strategy 2020–2024 // U.S. Agency for International Development (USAID). – URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID_Digital_Strategy.pdf (дата обращения: 18.10.2023).

10 Список недружественных стран утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц», «дружественных» (по смыслу документа и отсутствию других) – распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2023 г. № 2530-р.

Рассмотренные характеристики подтверждают необходимость пристального государственного внимания к современным технологическим, в том числе цифровым рынкам.

Принципы, на которых должна быть основана модель технологического сотрудничества и равноправия.

Сформулируем основные принципы модели технологического равноправия, исходя из современных вызовов и анализа технологических рынков.

1. Безопасность через развитие. Развитие – основа и суверенитета, и безопасности. Необходимо развитие национальных ресурсов: кадровых, научных, технологических и пр. – как внутри страны, так и во взаимодействии с другими государствами. Это ключевой принцип модели, поскольку интерес к ее воплощению и использованию порождается ставкой на национальное развитие.

2. Взаимодействие. Любому государству, даже лидеру, в одиночку очень сложно отстаивать свой технологический суверенитет, не хватит ресурсов: политических, материальных, научно-технических и пр. Поэтому необходимы различные формы взаимодействия с другими государствами, основанные на близких, понимаемых всеми целях, доверии, равноправии.

3. Выгода для всех. Модель должна предоставлять выгоду от сотрудничества для государства, бизнеса, разработчиков технологий, их пользователей и пр. Это должно касаться всех государств, участвующих в сотрудничестве, хотя могут быть и исключения, поскольку может возникать конкуренция между производителями как внутри государства, так и между производителями из разных государств. С точки зрения используемой технологии такая конкуренция может ускорить ее развитие.

4. Ведущая роль государства. Государство является гарантом защиты ав-

торов, оно минимизирует оппортунистическое поведение государств-партнеров. Участие государства возможно как в виде сособственника объектов интеллектуальной собственности и необходимо как регулятора правоотношений.

5. Защита интеллектуальной собственности. Это необходимый элемент обеспечения экономической и технологической безопасности, несмотря на существующую критику этого механизма как «неизбежное зло, которое сохраняет привилегии технологически более развитых стран мира» [Sharif, 1999]. Поэтому надо сделать интеллектуальную собственность сильной стороной модели технологического сотрудничества. Государство должно обеспечивать не только судебную и внесудебную защиту собственности, но и создавать условия для становления «национальных лидеров» – крупных компаний, которые могут занять ведущие позиции на мировых рынках [Байдаров, Файков, 2023]. Их деятельность является дополнительным гарантом защиты интеллектуальной собственности (прежде всего своей, но опосредованно и других национальных изобретателей и производителей).

6. Долгосрочность сотрудничества. Она обеспечивает предсказуемость, возможность планирования, реализацию совместных проектов, минимизацию оппортунистического поведения участников. Современный принцип «гибких партнерств» [Столетов, 2022] показывает, что в условиях турбулентности мировой политики и экономики долгосрочные партнерства не всегда возможны (государства опасаются зависимости от потенциальной непредсказуемости партнеров), однако и такие партнерства возможны для реализации модели технологического равноправия.

7. Возможность расширения партнерств, привлечение новых участников.

Позволяет расширять рынки, усиливать позиции каждого из государств-участников по отношению к третьим странам. Расширение партнерств – это показатель их признания, в том числе долгосрочности намерений.

8. Возможность выхода из партнерства с правом на самостоятельное развитие всех доступных на момент выхода технологий.

Модель и пояснения. Модель, учитывающая вышеприведенные принципы, подразумевает совместное обладание несколькими дружественными государствами, входящими во вторую и третью группы, правами (патентами) на технологии (рисунок 1).

Первые владельцы результатов интеллектуальной деятельности (РИД) – авторы изобретения (физические или юридические лица) и государство, резидентами которого они являются (Γ_1). Государство может быть собственником РИД в случае выполнения работ за счет бюджетных средств или включено в качестве собственника по решению авторов.

Государство приглашает в состав собственников другие государства ($\Gamma_2 \dots \Gamma_n$), отношения с которыми строятся на принципах равноправия, доверия, близости взглядов. Такое вступление в собственность может оговариваться в международных договорах или документах в рамках международных организаций. Цель – совместное владение технологиями для развития каждого из государств. Модель может реализовываться в рамках международной организации, в целях которой есть развитие в технологической сфере, включая защиту интеллектуальных прав.

Каждый из собственников-государств имеет право заключать неисключительные лицензионные соглашения со своими национальными предприятиями (Π_{ij} , где i – название государства, j – название предприятия). Финансовые условия лицензии уста-

навливает каждое государство самостоятельно, в том числе это могут быть нулевые платежи государству с целью снижения затрат для предприятия. Основное финансовое условие – лицензионные платежи авторам патента.

Интересы государств-участников:

- государство и его компании получают доступ к современным технологиям, а это именно то, чего не хватает развивающимся странам [Sharif, 1999];

- создается и используется единая технологическая база у нескольких государств, что обеспечивает расширение рынка каждой технологии и связанных с ней стандартов, усиливает конкурентные позиции тех, кто ее использует на этом рынке, привлекает пользователей из третьих стран;

- минимизируется зависимость от технологий недружественных или потенциально недружественных стран, укрепляются безопасность и конкурентные позиции участников;

- участие каждого из государств в распространении технологии в своей стране (среди своих компаний) будет действеннее, чем распространение технологии отдельной компанией (владельцем), тем более зарубежной (в такой дилемме и административный ресурс, и доверие к «своим» могут сыграть заметную роль в выборе технологий).

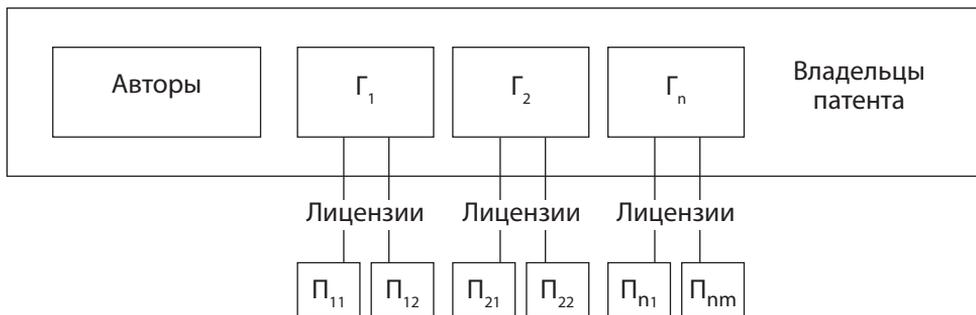
Таким образом, и у государств, и у компаний появляется доступ к современным технологиям, снижается зависимость от третьих стран, расширяется охват собственных рынков.

В качестве интереса авторов можно отметить следующие моменты:

- каждая лицензия предполагает лицензионные платежи в пользу авторов;

- для развития правового режима может быть предусмотрена оплата всех административных платежей (за патентование, поддержку патента и пр.) за счет «своего» государства;

- широта распространения патента.

Рисунок 1. Модель совместного обладания правами на интеллектуальную собственность

Figure 1. The model of joint ownership of intellectual property rights

Источник: составлено авторами.

Риски модели. Страны могут переходить из «дружественных» в «недружественные». Как показывает практика, иногда достаточно быстро.

Более развитым странам-партнерам могут быть интереснее свои технологии, у них своя политика, потенциально можно предположить нарушение ими договоренностей в свою пользу.

Менее развитые в технологическом плане страны-партнеры могут переориентироваться на других сильных партнеров и нарушать соглашения.

Частично эти риски можно минимизировать, предусмотрев ряд условий передачи прав на РИД другим странам и механизмов взаимодействия путем закрепления их в международных договорах (или документах в рамках международной организации), в частности:

- обязанность отдавать предпочтение таким технологиям перед технологиями из третьих стран при прочих равных условиях;
- возможность выдавать лицензии только национальным компаниям;
- обязанность совместно нести расходы, в том числе по продлению патентов или по патентованию в третьих странах;
- обязательные лицензионные платежи авторам;

- организация защиты прав авторов и государств-владельцев;

- наличие механизма выхода из состава собственников (добровольного) или выведения из состава собственников (принудительного при каких-то нарушениях);

- возможности авторов и государств распоряжаться своей интеллектуальной собственностью, в том числе путем ее продажи, дарения, передачи и пр.

Особый вид патента. Модель предлагает особый вид патентов, который должен быть предусмотрен законодательством каждого из государств или установлен международным договором в связи с тем, что он налагает некоторые ограничения и обязанности на государства. Автор при патентовании своего изобретения может выбрать такой вид патента, а может не выбирать.

Принципиальная значимость модели. Для построения новой архитектуры взаимодействия государств в области технологического (прежде всего цифрового) развития, основанного на доверии и равноправии, необходимы новые институты [Категория..., 2021]. Предлагаемая теоретическая модель может дать импульс разработке конкретных инструментов и право-

вых режимов для организации такого сотрудничества. Она может использоваться как в рамках традиционных международных организаций и объединений, так и в рамках «гибких» международных партнерств. Модель дает возможность участвующим государствам снизить зависимость от крупнейших ТНК и, соответственно, государств их происхождения путем набора необходимых для коллективного технологического суверенитета технологий и компетенций.

Предлагаемая модель не заменяет существующие инструменты технологического сотрудничества и трансфера технологий (лицензии, совместные предприятия и пр.), а дополняет их.

Использование модели для укрепления положения на мировых технологических рынках. Резидентами стран «коллективного Запада»¹¹ в 2022 г. получено 55% всех выданных в мире патентов, китайскими заявителями – 41%, «дружественных» России стран (за исключением Китая) – 2,1%, резидентами Российской Федерации – 1,1%¹². Необходимость увеличивать свое присутствие в технологической сфере налицо.

Устойчивое доминирование крупнейших держав на рынке технологий (в том числе в цифровой сфере) подсказывает для российских производителей возможности нишевой стратегии при выходе на внешние рынки. Например, в цифровых технологиях для российских компаний это могут быть сфера информатизации научных ис-

следований, сфера кибербезопасности, которая активно развивается и всегда остается востребованной¹³, сфера цифровых двойников [Дементьев, 2022], в которой отмечаются успехи российских разработчиков¹⁴, и т.д. Среди других технологий анализ патентной активности российских заявителей показывает большую успешность в таких областях, как пищевая химия, микроструктурные и нанотехнологии, двигатели, насосы, турбины, биологические материалы, металлургия¹⁵.

Для внедрения нишевых решений на территориях стран, не входящих в группу лидеров, предлагаемая модель выглядит вполне приемлемой. Во-первых, на нишевых рынках конкуренция чаще не такая жесткая, государствам проще поддерживать производителей своих и из «дружественных» стран. Во-вторых, эффективное сотрудничество в отдельных сферах может оказать влияние и на расширение сотрудничества в других областях, что неоднократно проявлялось в международной практике (например, при строительстве крупных объектов (АЭС, ГЭС), продаже оружия¹⁶ и пр.).

Сравнение с существующими моделями на примере ЕС и ЕАЭС. Предлагаемая модель подразумевает использование регистрируемых РИД (патентов) на территории нескольких государств, как минимум входящих в состав правообладателей. Думается, что при разработке процессов регистрации таких патентов стоит воспользоваться опы-

11 Страны ЕС, США, Япония, Республика Корея, Канада, Австралия, Израиль.

12 WIPO IP Statistics Data Center. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 20.11.2023).

13 Kaspersky прогнозирует возвращение западных клиентов // РИА Новости. – 2023. – 18 сентября. – URL: <https://ria.ru/20230918/kaspersky-1896887966.html?ysclid=ineayzkh5805196718> (дата обращения: 14.10.2023).

14 САЕ-система «Логос»: новые возможности для промышленных предприятий и ИТ-компаний // САПР и графика. – URL: <https://sapr.ru/news/202111227-logos?ysclid=lo3v32z7u2284555783> (дата обращения: 15.10.2023).

15 WIPO IP Statistics Data Center. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 20.11.2023).

16 Как пример нового технологического сотрудничества см.: Французская пресса: В целях сохранения экспорта российской оборонка переходит к передаче технологий // Военное обозрение. – 2023. – 25 октября. – URL: <https://topwar.ru/228832-francuzskaja-pressa-v-celjah-sohraneniya-jeksporta-rossijskaja-oboronka-perehodit-k-perechache-tehnologii.html?ysclid=lp6oa4v35l62615229> (дата обращения: 20.11.2023).

том уже существующих международных режимов работы с интеллектуальной собственностью, созданных на базе объединений государств – ЕС и ЕАЭС, правовые режимы которых в части работы с интеллектуальной промышленной собственностью имеют ряд схожих принципов:

- единые правила этих режимов утверждаются межгосударственными конвенциями: Европейской патентной конвенцией и Евразийской патентной конвенцией (ЕАПК), на основе которых созданы международные организации – соответственно Европейская патентная организация и Евразийская патентная организация¹⁷; эти организации ведут непосредственную деятельность по работе с заявителями, организации экспертиз, выдаче патентов и пр.;

- подавая одно заявление, заявитель получает патент, действующий на территории всех стран-участниц¹⁸;

- возможно одновременное наличие и национального, и «общего» – европейского или евразийского патента соответственно;

- патентное право государств – участников конвенций в достаточной степени гармонизировано.

В рамках ЕАПК споры, касающиеся евразийского патента, разбирают национальные суды. В ЕС с переходом к единому европейскому патенту происходит переход к единой судебной инстанции – Единому патентному суду ЕС, решения которого будут признаваться всеми странами, где действует единый европейский патент.

Что касается вопросов совместного правообладания, то в ЕС эти отношения регламентируются на уровне каждого государства [Заплатина, 2020], в которых чаще используется его регулирование в договорных нормах между субъектами¹⁹ [Крупко, 2018]. В нормативных документах ЕАПК есть понятие совместного правообладания, а также некоторые способы его использования – возможности правопреемства и передачи²⁰.

На основании опыта регулирования патентной деятельности в ЕС и ЕАЭС можно отметить, что использование механизма патентования, предложенного в модели, упрощается для владельцев РИД при наличии эффективно работающих институтов: гармонизированных национальных режимов в области регистрации, использования и защиты РИД; базовой международной конвенции; международной организации; унифицированных правил защиты прав и пр.

С другой стороны, модель принципиально может использоваться и без этих институтов путем регистрации патента в каждой участвующей в патенте стране на основе национального права (при условии отсутствия дискриминирующих возможностей в отношении резидентства заявителей в таком праве). В этом случае изобретение будет защищено патентом в странах, имеющих интерес к технологическому равноправию: в них изобретение может быть законно использовано для национальных производителей.

17 В эти организации входит больше государств, чем в ЕС и ЕАЭС: в Европейскую патентную организацию входят 39 государств, включая 27 стран ЕС, в Евразийскую патентную организацию входят 8 государств, включая 5 стран ЕАЭС.

18 В ЕС пока действует на территории 17 государств, ратифицировавших Соглашение о Едином патентном суде. – URL: <https://www.unified-patent-court.org/> (дата обращения: 14.10.2023).

19 На ПМЮФ обсудили совместное осуществление исключительного права // Адвокатская газета. – 2019. – 16 мая. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-sovmestnoe-osushchestvlenie-isklyuchitelnogo-prava/> (дата обращения: 11.10.2023).

20 Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции (абзац 2 правила 12, подпункт 4 правила 13) // Евразийское патентное ведомство. – URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/03/instr202211-p1.pdf> (дата обращения: 14.10.2023).

Возможности применения модели в России. Российское право, как и право многих государств, разрешает совместное обладание исключительным правом на изобретение, охраняемое патентом²¹. Определенность и однозначность правового режима совместного правообладания необходимы для эффективного использования РИД в экономической деятельности, поскольку многие из них, в том числе в цифровых технологиях, создаются коллективами авторов.

Несмотря на определенные шаги в регулировании совместного правообладания, в целом эти отношения в Российской Федерации сегодня характеризуются учеными и практиками как имеющие много пробелов²². Основным способом регулирования взаимоотношений между собственниками патента российское законодательство определяет соглашение между ними, чего явно недостаточно для формирования стабильного, развитого рынка интеллектуальной собственности [Златина, 2020; Крупко, 2018].

Заключение

Подтвердилась ли выдвинутая гипотеза? Скорее, да. С теоретической точки зрения технологический суверенитет государств, не являющихся «гегмонами» на технологических рынках, постепенно будет трансформироваться в коллективный, основанный на технологическом равноправии и сотрудничестве. При этом сначала какое-то из сотрудничающих государств должно стать локальным технологическим лидером и инициатором для формирования вокруг себя партнерств. В прак-

тическом плане предложена модель технологического сотрудничества, основанная на совместном владении интеллектуальной собственностью.

Модель раскрывает возможность снижения технологической зависимости государств от лидеров рынка и позволяет предложить пути перехода на неполитизированные экономические отношения. Отмечены риски модели и возможные пути их минимизации. Показано, что многие институциональные элементы модели уже существуют как в российском праве, так и в нормах международных объединений, таких как ЕС и ЕАЭС. Модель (даже в ее теоретическом виде) дает импульс для развития российского права интеллектуальной собственности, в частности института совместного правообладания. Для реализации модели в международном сообществе нужен лидер, и на эту роль может вполне претендовать Российская Федерация.

Авторы подчеркивают, что статья носит в большей степени теоретический характер и предполагает дальнейшие обсуждения, в том числе вопросов совместного правообладания, технологического суверенитета, равноправия и лидерства, создания новой модели российской экономики.

Список литературы

Байдаров Д.Ю., Полосин А.В., Файков Д.Ю. Формирование новой модели отечественной экономики в контексте технологического суверенитета: принципы и механизмы // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 669–688. – DOI: 10.18334/vines.13.2.117949.

21 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4. Статьи 1229, 1348.

22 Минобрнауки предложило закрепить в ГК понятие доли в исключительном праве // Адвокатская газета. – 2019. – 24 мая. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/minobrnauki-predlozhibo-zakreplit-v-gk-ponyatie-doli-v-isklyuchitelnom-prave/> (дата обращения: 10.10.2023).

Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю. Развитие механизмов обеспечения технологического суверенитета государственными корпорациями // Экономическая безопасность. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 1335–1358. – DOI: 10.18334/есsec.6.4.119293.

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Альтернативная модель управления инновациями и высокотехнологическим сектором экономики России // Управление. – 2020. – Т. 11, № 5. – С. 2–16. – DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-5-1.

Бодрунов С.Д. Новое индустриальное будущее для глобального мира // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2. – С. 5–23. – DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-5-23.

Гаджиев К.С. Кризис или закат либерализма? // Власть. – 2017. – № 3. – С. 7–17.

Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 93–115. – DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.

Дементьев В.Е. Перспективы России при цифровом доминировании Китая и США // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 4. – С. 6–17. – DOI: 10.47711/0868-6351-193-6-17.

Заплата Т.С. Проблемы распределения результатов интеллектуальной деятельности в рамках проектов класса «мегасайенс» // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 9. – С. 164–173. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.164-173.

Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике / Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенцов А. // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 47–67. – DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.6.

Крупко С.И. Правовой режим совместного обладания исключительным правом на изобретение: актуальные

проблемы в свете применения части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 12. – С. 31–43. – DOI: 10.24411/2072-4098-2018-10124.

Кучинская М.Е. Проблемы цифрового суверенитета ЕС в контексте реализации концепции европейской стратегической автономии // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 4. – С. 151–181. – DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_151.

Лексин В.Н. Искусственный интеллект в экономике, политике, частной жизни: опыт системной диагностики. – Москва : ЛЕНАРД, 2021. – 336 с.

Невская А.А., Квашнин Ю.Д. Концепция открытой стратегической автономии ЕС: соединяя несоединимое // Российский экономический журнал. – 2022. – № 6. – С. 64–77. – DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-64-77.

Полтерович В.М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Вопросы теоретической экономики. – 2017. – № 1. – С. 55–65.

Столетов О.В. Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американо-китайского технологического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 221–237. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237.

Файков Д. Ю., Байдаров Д.Ю. На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 1. – С. 67–82. – DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82.

Химченко А.И. О взаимосвязи вопросов обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации и формирования цифровой сре-

ды доверия // Вестник университета им. О.Г. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4. – С. 83–91. – DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.083-091.

Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) / Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А., Володенков С.В., Рыбакова М.В. // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 206–216. – DOI: 10.17223/1998863X/60/.

Шугуров М.В. Парадигма модернизации авторского права Европейского союза в контексте цифровой экономики // Международное право. – 2019. – № 4. – С. 1–26. – DOI: 10.25136/2644-5514.2019.4.30788.

Юдина Т.Н., Лемещенко П.С., Купчишина Е.В. Особенности новых институтов в цифровой экономике (цифровое доверие, кибер-, информационная и цифровая экономическая безопасность, искусственный интеллект) // Journal of Institutional Studies. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 31–45. – DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.031-045.

Couture S. Toupin S. What does the notion of “sovereignty” mean when referring

to the digital? // *New Media & Society*. – 2019. – Vol. 21, N 10. – P. 2305–2322. – DOI: 10.1177/1461444819865984.

European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy / Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. // *Intereconomics*. – 2021. – N 6. – P. 348–354. – DOI: 10.1007/s10272-021-1013-6.

Robles-Carrillo M. Sovereignty vs. Digital Sovereignty // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – Vol. 1, N 3. – P. 673–690. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.2.

Schüller M., Schüler-Zhou Y. United States-China Decoupling: Time for European Tech Sovereignty. Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies – Leibniz-Institut für Globale und Regionale Studien, Institut für Asien-Studien, 2020. – URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-71026-4> (дата обращения: 21.10.2023).

Sharif N. Technological Leapfrogging: Implications for Developing Countries // *Technological Forecasting and Social Change*. – 1989. – Vol. 36. – P. 201–208.

Sharif N. Strategic Role of Technological Self-Reliance in Development Management // *Technological Forecasting and Social Change*. – 1999. – Vol. 62. – P. 219–238.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06

Technological Cooperation and Equality as the Development of the Concept of Technological Sovereignty

Andrey V. POLOSIN

Dr. Sc. (Political Sciences), Vice-Rector
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Avenue, 82, Moscow, Russian Federation, 119571
E-mail: polosin-av@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-8803-6259

Dmitriy Yu. BAYDAROV

PhD (Law), Director of the New Business Support Department
ROSATOM State Atomic Energy Corporation
Bolshaya Ordynka Street, 24, Moscow, Russian Federation, 119017
E-mail: d_baydarov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7089-7015

Evgeniy M. ABAKUMOV

Dr. Sc. (Technical Sciences), Director of Information Technology
ROSATOM State Atomic Energy Corporation
Bolshaya Ordynka Street, 24, Moscow, Russian Federation, 119017
E-mail: ema81@mail.ru
ORCID: n/a

Dmitriy Yu. FAIKOV

Dr. Sc. (Econ.), Associated Professor, Leading Researcher
The State University of Management
Ryazansky Avenue, 99, Moscow, Russian Federation, 109542;
Leading Specialist
Russian Federal Nuclear Center – All-Russian Research Institute of Experimental
Physics
Mira Avenue, 37, Sarov, Nizhny Novgorod region, Russian Federation, 607188
E-mail: cat1611@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3532-1352

CITATION: Polosin A.V., Baydarov D.Yu., Abakumov E.M., Faikov D.Yu. (2023).
Technological Cooperation and Equality as the Development of the Concept of
Technological Sovereignty. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*,
vol. 16, no. 5, pp. 94–112 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06

Received: 29.10.2023.

Revised: 22.11.2023.

ABSTRACT. *Modern technologies, especially the digital ones, have made serious changes to the existing world order. The use of technology as an instrument of economic and political influence by the largest transnational corporations and their states of origin has influenced the growing popularity of the concept of technological sovereignty. However, despite the allure of this concept, it is limited by the resources of the state. In this regard, the logical question is – what is next? The author’s position is based on the fact that the technological sovereignty of the states will gradually transform into the concept of technological cooperation based on the principles of technological equality of the states, considered as equality in terms of technology ownership. To confirm the hypothesis, a theoretical model of joint ownership of intellectual property objects by the states is proposed. The analysis of the model from the point of view of the Russian law, EU and EAEU regulations shows its fundamental feasibility. The model, as an instrument of the concept of equality and cooperation, does not show serious contradictions with the existing institutions, but the introduction of state technologies into the composition of the main rights holders changes its quality. It becomes not only a mechanism for the protection of property rights, but also a political and economic mechanism, a mechanism of interstate relations. The model shows the possibilities of forming of the collective technological sovereignty by friendly states, reducing technological dependence on the largest TNCs and their states of origin, and can be considered as a principle of international technological cooperation for the new economic model of Russia.*

KEYWORDS: *collective technological sovereignty, digital sovereignty, new model of the Russian economy, joint ownership, intellectual property.*

References

Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2020). Alternative model for managing innovation and high-tech sector of the Russian economy. *The Manager*. Vol. 11, no. 5, pp. 2–16 (in Russian). DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-5-1.

Baydarov D.Yu., Faykov D.Yu. (2023). Development of mechanisms for ensuring technological sovereignty by state corporations. *Economic Security*. Vol. 6, no. 4 (in Russian). DOI: 10.18334/ecsec.6.4.119293.

Baydarov D.Yu., Polosin A.V., Faykov D.Yu. (2023). Formation of a new model of the domestic economy in the context of technological sovereignty: principles and mechanisms. *Russian Journal of Innovation Economics*. Vol. 13, no. 2, pp. 669–688 (in Russian). DOI: 10.18334/vinec.13.2.117949.

Bodrunov S.D. (2022). New industrial future for the global world. *Economic Revival of Russia*. No. 5, pp. 2–16 (in Russian). DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-5-23.

Couture S., Toupin S. (2019). What does the notion of «sovereignty» mean when referring to the digital? *New Media & Society*. Vol. 21, no. 10, pp. 2305–2322. DOI: 10.1177/1461444819865984.

Dementiev V.E. (2022). Prospects for Russia Under the Digital Domination of China and the United States. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 33, no. 4, pp. 359–366. DOI: 10.1134/S1075700722040037.

European Technological Sovereignty... (2021). Crespi F. et al. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Intereconomics*. No. 6, pp. 348–354. DOI: 10.1007/s10272-021-1013-6.

Faykov D.Yu., Baydarov D.Yu. (2023). Towards Technological Sovereignty: Theoretical Approaches, Practice, Suggestions. *Economic Revival of Russia*. No. 1, pp. 67–

82 (in Russian). DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82.

Gadziev K.S. (2017). The crisis or a sunset of liberalism? *Vlast'*. No. 3, pp. 7–17 (in Russian).

Glazyev S.Yu. (2022). Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change. *AlterEconomics*. Vol. 19, no. 1, pp. 93–115 (in Russian). DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.

Kategoriya... (2021). Rebro O. et al. The notion of «digital sovereignty» in modern world politics. *International Trends*. Vol. 19, no. 4, pp. 47–67 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.6.

Khimchenko A.I. (2022). On the interconnection of issues of ensuring the information sovereignty of the Russian Federation and the formation of a digital environment of trust. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 4, pp. 83–91 (in Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.083-091.

Krupko S.I. (2018). The legal regime of joint possession of the exclusive right to an invention: actual problems in the light of the application of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. *Property Relations in the Russian Federation*. No. 12, pp. 31–43 (in Russian). DOI: 10.24411/2072-4098-2018-10124.

Kuchinskaya M.E. (2022). Issues of the EU's Digital Sovereignty in the Context of European Strategic Autonomy Concept Implementation. *National Strategy Issues*. No. 4, pp. 151–181 (in Russian). DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_151.

Leksin V.N. (2021). *Artificial Intelligence in Economics, Politics, Private Life: Experience of System Diagnostics*. Moscow: LENARD, 336 pp. (in Russian).

Nevskaya A.A., Kvashnin Yu.D. (2022). EU's open strategic autonomy concept: Connecting the unconnectable. *Russian Economic Journal*. No. 6, pp. 64–77 (in Russian). DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-64-77.

Polterovich V.M. (2017). Designing the strategies for socio-economic development: science vs. Ideology. *Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 55–65 (in Russian).

Robles-Carrillo M. (2023). Sovereignty vs. Digital Sovereignty. *Journal of Digital Technologies and Law*. Vol. 1, no. 3, pp. 673–690. DOI: 10.21202/jdtl.2023.2.

Schüller M., Schüler-Zhou Y. (2020). *United States-China Decoupling: Time for European Tech Sovereignty*. Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies – Leibniz-Institut für Globale und Regionale Studien, Institut für Asien-Studien. Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-71026-4>, accessed 21.10.2023.

Sharif N. (1989). Technological Leapfrogging: Implications for Developing Countries. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 36, pp. 201–208.

Sharif N. (1999). Strategic Role of Technological Self-Reliance in Development Management. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 62, pp. 219–238.

Shugurov M.V. (2019). The paradigm of modernization of copyright of the European Union in the context of the digital economy. *International Law*. No. 4, pp. 1–26 (in Russian). DOI: 10.25136/2644-5514.2019.4.30788.

Stoletov O.V. (2022). Strategies for digital development of key states of the Global South in the context of U.S.-Chinese technological rivalry. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 22, no. 2, pp. 221–237 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237.

Tsifrovoy suverenitet... (2021). Nikonov V.A. et al. Digital sovereignty of a modern state: content and structural components (based on expert research). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 60, pp. 206–216 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/.

Yudina T.N., Lemeshchenko P.S., Kupchishina E.V. (2022). Features of new

institutions in the digital economy (digital trust, cyber, information and digital economic security, artificial intelligence). *Journal of Institutional Studies*. Vol. 14, no. 3, pp. 31–45 (in–Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.031-045.

Zaplatina T.S. (2020). Issues of Distribution of Rights to Results of Intellectual Activity Within «Megascience» Projects. *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 15, no. 9, pp. 164–173 (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.164-173.